

БАЛЕТ

Культура. - 1995. - 29 апр. С. 11

ПЕТРУШКА ИЗ «УМИРАЮЩЕГО ЛЕБЕДЯ»

С тех пор, как неподражаемая Айседора Дункан произвела революцию в мире танца, прошло много времени. Кажется, этот вид искусства обрел некие постоянные формы, его поступательное развитие представляется замедленным по сравнению с бурными процессами, происходящими в видах иных, к примеру, в кинематографе. И тем более интересно узнать, что в Лондоне этой весной основное внимание уделяется именно хореографической труппе Марка Морриса, которую критик из газеты «Гардиан» Джужит Макрэлл называет в своем обзоре «самым удивительным открытием сезона».

Такого количества бутылок шампанского, выпитых в честь танцевальной премьеры, пожалуй, еще не было. 16 марта в Лондоне отмечали открытие фестиваля «Данс амбрелла» («Танец с зонтиком»), который проходил в театре «Нью-Виктория» при полных аншлагах. А фаворитом фестиваля была единодушно признана хореографическая труппа Марка Морриса. Первое впечатление

от выступлений танцовщиков, как правило, неоднозначно: в постановках Морриса никогда не бывает единой темы, а стиль настолько мозаичен, что зритель не сразу может «включиться» и почувствовать идею хореографа. Моррис собирает в одно целое стилистику фольклора, джазовых вариаций, раннего модернизма и лепит из всего этого новый жанр.

Одна из первых работ Морриса — «Вальсы новой песни о любви». Под музыку Брамса по сцене кружатся изумительно красивые пары. Рисунок танца прост: безмятежность, идиллические объятия. На первый взгляд идея «считывается» вполне просто: художник решил воспеть заброшенную тему романтической любви. Но неожиданно все меняется: движения становятся резкими, техника — более строгой, и зрители с удивлением понимают, что на сцене исполняется классическое па-де-де.

Отличительной чертой постановки Морриса является безыскусственность, что в принципе не характерно для хореографии. Его танцовщики — великолепные актеры, им

удается увлечь зрителей за собой в мир грез, навеваемых танцем. Моррис обладает удивительным чувством музыки, действие разыгрывается в буквальном смысле «по нотам», что делает его еще более цельным. Английский критик сравнил манеру Марка Морриса с танцем Фреда Астера и Джинджер Роджерс: «Когда видишь его виртуозную технику, его пластичный корпус, кажется, что это души Фреда и Джинджер в теле одного танцовщика».

Трудно даже представить себе, что в одном спектакле могут соединиться джаз, балет и фламенко, но именно так была сделана постановка «Три прелюдии», в которой Моррис представлял одновременно и марionеткой, и птицей, парящей над сценой, и кем-то еще, а критики назвали его «Петрушкой, танцующим «Умирающего лебедя».

Особое место Морриса в мировой хореографической режиссуре объясняется его даром объединять в единое целое практически все существующие стили. Большшим сюрпризом был его спектакль

«Конец вечеринки», в котором постановщик обратился к нестареющей теме «Дикого Запада» и вывел на сцену ковбоев с их очаровательными подружками. Ностальгические нотки настраивают зрителей на лирический лад, но тотчас же зал взрывается, услышав остроумную шутку и заразительный смех самих артистов. Центральной фигурой выступает сам Моррис — непривычно современный, в джинсах, он играет самодовольного зазнайку и тугодума, который никак не может попасть в тант.

А другой спектакль — «Гранд Дуо» — абсолютно ничем не напоминает «Конец вечеринки», что демонстрирует широкий балетмейстерский диапазон Морриса. Фигуры на сцене кажутся сошедшими с мраморных барельефов: скрещенные руки, нестигающие колени. Создается ощущение, что оттуда, со сцены, нам подают какие-то знаки, и только от нашей чуткости зависит, поймем ли мы этот сигнал. Можно сказать, что это в полной мере относится ко всем работам Марка Морриса, причем речь идет не о ложной

многозначительности, скрывающей пустоту, а об истинности глубокого смысла.

По материалам газеты «Гардиан» подготовила
Н. ШИРАЛИЕВА.

● Танцует Марк Моррис.
Фото из газеты «Гардиан».